

ТАТЬЯНА ГОРИЧЕВА

Философ

Вице-президент Русского-французского общества защиты животных, которое работает в тесном контакте с Фондом Брижит Бардо. Её философские воззрения базируются на апофатическом богословии. Их развитие происходило по линии: от ницшеанской «гибели Бога», через «гибель человека» (крах всех гуманистических ценностей после Первой мировой войны) к «гибели мира» (последовательное уничтожение человеком своей среды обитания). В 1993 году появились ее первые книги на эту тему: «Святая мать-земля» и «Святые животные», где впервые был поднят вопрос о невинном страдании твари, которое является результатом саморазрушения человека, его отказа от Бога, ибо для животного мира человек — есть Бог.

Её последняя книга «Молчание животных» стала теоретическим обоснованием православной экологии. В 2012 году она переведена на французский язык. В периодической печати (журналы «Фома», «Живая вода» и др.) вышло несколько десятков её интервью и публицистических статей, разъясняющих введенное ею понятие «православная экология».

Участник всех крупнейших экологических форумов в Европе начиная с 2000-х годов. Активный благотворитель помощи животным в России.

КТО МОЙ БЛИЖНИЙ?

В наше время экологическая проблематика объединила Запад и Восток, Север и Юг. Обнаружилось то, что было всегда известно наиболее чутким, ответственным людям: природа не объект, а Субъект. Она отвечает на неумеренную жадность человека могучим языком ураганов, наводнений, исчезновением питьевой воды, чистого воздуха, плодородной земли. Каждую минуту умирает несколько видов животных. И в этом молчаливом исчезновении — не только упрёк, но и откровение навсегда утерянной нами райской красоты, безгрешности, послушания Богу.

Учёные-позитивисты до сих пор считают, что в исследовании природы и в наблюдении за животными не должно быть никаких эмоций. Основное правило: «Не любить!» Это у них называется «объективностью».

У Николая Ручкина совсем другая «теория познания». Его герменевтика — христианская по существу. Это герменевтика рая, со-бытия, сопричастности, всеединства и евхаристичности. Его рассказы просты и пронзительны. В них животные не только глубоко чувствуют, но и творят чудеса. Чудеса верности, жертвенности, глубокого умного

понимания. Мудрая ворона, робкий доверчивый оленёнок, верные псы, восхищённые зайцы, спасатели дельфины — вот тот любящий остаток, благодаря которому человечество ещё не растворилось в болоте «окаменелого бесчувствия», не самоуничтожилось в суетной и злобной погоне за комфортом.

А ведь относительно недавно крупнейшие мыслители (Декарт, например) утверждали, что животные — это машины. Они не только не мыслят, но и не чувствуют. И даже в наше апокалиптическое время учёные и неучёные зооненавистники утверждают, что животное живёт лишь в плоском мире утилитарного. Если оно и чувствует красоту, то только с целью продолжения рода. Жалко этих закомплексованных, запуганных, бездарных аутистов. Как мало они знают о том, что такое боль и радость Реальности.

Они никогда не видели того, что было даровано видеть Николаю Ручкину (и героям его рассказов). В новогоднюю ночь два зайца, стоя на задних лапах, любовались происходящим за окном, вокруг освещённой ёлки: «... я сердцем смутно почувствовал, что, может быть, сейчас, вот здесь, впервые в жизни я столкнулся с какой-то тайной, ещё неизвестной людям; ... как будто восторженность — я видел в их взглядах; ... они понимали красоту, может быть, так, как и мы её понимаем».

Животные — вестники другого мира: там «они с Христом прежде нашего» (Ф.М. Достоевский); они радуются по-настоящему, потому что безгрешны, не предали Бога, не являются жертвами «первородного повреждения» (св. Макарий Великий о первородном грехе).

Во многих рассказах Ручкина герой (или сам автор) разговаривает с лисичкой, собакой, вороной, оленёнком. Разговаривает молча, глазами. Диалог взглядов — доверчивых, ждущих и любящих. В долгом разговоре глаз — тайна самооткрытия, тайна открытия образа Божьего в себе, тайна обожения. При этом не только человек выступает для животного Богом, но и зверь открывает человеку свой непостижимый, прекрасный, свой блаженный внутренний мир.

Как пишут святые Отцы (св. Максим Исповедник), человек имел своей задачей преобразить и обожить весь тварный мир. Увы, мы видим: история человечества свидетельствует скорее об обратном — мир, «освоенный» человеком, потерял душу, мёртвое в нём яростно побеждает островки жизни. Животное сегодня выполняет собственно и человеческую задачу — обожение всего космоса, восстановление утраченной гармонии.

В рассказе «Спасительница» незнакомая овчарка спасает героя, тонущего среди льдин. Она является ниоткуда и в никуда исчезает. Герой ищет

её потом всю жизнь, но так и не находит. И появляется спасительница именно тогда, когда все страхи сменились в душе тонущего героя покаянием и смирением. «Чистота сердца» притянула Спасительницу. В рассказах Николая Ручкина много таких пограничных ситуаций, где через боль и риск восстанавливается первоначальное райское братство.

Осатанелое, жадное и жестокое человечество (Ручкин точно отмечает, что жадность и жестокость тесно связаны) гонит красоту: всей деревней гоняются люди за случайно забежавшим к ним зайцем, с неслыханной яростью уничтожают усталых гусей, оставляя ненужные гека-томбы трупов, — убивают самых беззащитных, доверчивых и невинных. И в сытом «свободном» мире мы видим то же, что описано Шаламовым в его «Колымских рассказах»: толпа заключённых остервенело гонится за маленькой белкой.

Но как радостно читать, что есть среди людей и «другие». Те, кто услышал животных, понял их крик и шёпот: «Я брат твой». И тогда приходит в голову человека мысль: «Кому-то хуже, чем мне».

В рассказе «Алёшкино поле» опытная гусыня выбрала для посадки усталой стаи безопасный луг. Измождённая гонимая людьми стая опустилась на этот заповедный кусочек земли. И вдруг на помощь гусям пришли люди. Прежде всего женщины. Они рассыпали пшено и бросали хлебные крошки, как бы смущаясь, боясь обнаружить красоту «сокровенного сердца человека».

Всякий гений и всякий святой содержат в своём архетипе не только узко человеческое, но и всех животных во всём многообразии их видов. Исчезновение одного животного вида равняется по меньшей мере исчезновению одной великой поэмы.

И кому же, как не русской православной душе, раскрыть всю полноту пасхального космоса, радостную наполненность природы: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней».

Тексты Николая Ручкина двусоставны. С одной стороны, это повествование от лица простодушного и сострадательного человека, с другой — точные заметки натуралиста. Автор настаивает на этом совмещении. Если повествовательную часть снисходительно одобряют все, то вторая часть («для юннатов») может вызвать недоумение у просвещённой публики. Мы оставляет этот своеобразный «гипертекст по-русски» в авторском варианте, так как считаем, что благодаря такому построению можно яснее понять, что только знающий и любящий природу человек может получить от неё реальную помощь или утешение. Это тоже закон, но сверхчеловеческий.